

П Р О Л О Г

*Эдо¹, период Гэнроку², год 1-й, месяц 12-й
(Токио, январь 1689 г.)*

Всадник остановил нагруженную лошадь на узкой тропинке, спускающейся к реке Сумида³, и стал вслушиваться в ночные звуки. Не крадется ли кто-то по обступившему его темному лесу? Не впились ли в него чьи-то зоркие глаза? Страх заставлял его сердце биться сильнее.

Но только ледяной ветер шумел голыми ветвями деревьев, сбросивших на зиму листву, да негромко посапывала кобыла, беспокойно переступая с ноги на ногу. Высоко над горизонтом ярко сияла последняя полная луна старого года, заливавшая холодным серебристым сиянием тропинку и лес. Мужчина посмотрел в темноту, но никого не увидел и мрачно улыбнулся: чувство вины и воображение обманули его. Даже днем редкий

¹ Эдо — название Токио до 1868 года.

² Гэнроку (гэнроку дзидай) — период (1688–1704) в японской истории, характеризующийся расцветом культуры, так называемый японский Ренессанс. Считается периодом «великого мира», когда вся страна была объединена под властью сёгуната Токугава. В это же время самурайское сословие начинает отмирать в силу отсутствия военных действий.

³ Сумида — река в Японии, протекает через Токио.

путник, пересекающий отдаленную северную окраину Эдо, воспользуется этой дорогой. Теперь же, после полуночи, она и вовсе была пустынной. Как он и предвидел.

Всадник послал кобылу вперед; ветви обступивших тропу кустов цеплялись за его плащ с капюшоном и за длинный, громоздкий сверток, притороченный позади седла. Лишний вес тяготил лошадь, она запнулась и, тихо заржав, остановилась, а когда путник попытался взбудрить ее пинком, взбрыкнула. Сверток опасно качнулся. Охваченный ледяным страхом всадник забормотал ласковые слова, поглаживая кобылу по шее. Беда, если поклажа упадет. Как он ни крепок, взгромоздить ее на прежнее место ему не по силам — по крайней мере здесь, среди зарослей. И на пеший переход до реки уйдет битый час. Да и как одолеть такое расстояние с грузом, который хоть и не выше него, но точно тяжелее? Кроме того, обертка — татами из тонкой рисовой соломы — непременно порвется, если не под его пальцами, так от острых сучьев, и тогда... Лошадь от легкого толчка тихонько пошла вперед. Сверток крепко держался на ее спине. Страх отступил.

Глаза путника слезились, лицо его онемело от холода, вцепившиеся в уздечку пальцы, казалось, примерзли к перчаткам и окаменели, но каждый шаг, полный страданий, приближал его к завершению миссии.

Наконец лес поредел и тропа стала круто спускаться к реке. Всадник чувствовал запах воды, слышал, как она плескалась у берега. Спешившись в подходящем для осуществления его замысла месте, он привязал кобылу к сухому дереву и углубился в лес.

Припрятанная накануне под корнями старой сосны лодка никуда не делась. Неловко ухватившись за ее нос окоченевшими руками, путник осторожно, чтобы не пробить плоское деревянное дно об острые камни, вытащил ее на тропу и пристроил рядом с лошадью, а затем принялся освобождать от веревок свой груз. Когда последний узел был развязан, сверток с громким стуком упал в лодку.

Теперь оставалось лишь отволочь ее к реке, совершив не более сорока шагов. Но давались они особенно тяжело. Задыхаясь, путник то толкал лодку перед собой, упираясь в корму, то пятился, приподняв ее за нос. Наконец его таби⁴ промочила ледяная вода, и он, спихнув в нее суденышко, без колебаний последовал за ним: нужно убраться подальше от прибрежных камней и камыша.

Когда он залез в лодку, та закачалась под объединенной тяжестью груза и человека. Вода плясала и пенилась у бортов, и на один ужасный миг путник испугался, что она хлынет внутрь и унесет его в глубину, но лодка все же выровнялась. И он, вздохнув с облегчением, переполз на корму, поднял весло и уверенными гребками повел суденышко на юг, к городу.

Река расстилась перед ним широкой полосой промасленного черного шелка, сияющего под лунным светом. Всплески весла стали ритмичными отзвуками шелеста волн и шороха прибрежных камышей, гнущихся под пронизывающим ветром. На ближнем западном берегу, справа от гребца, на темной земле, которая неуклонно поднималась к холмам, мерцали огненные точки: фонари, освещавшие квартал удовольствий Ёсивару, факелы, зажженные в храмовых садах Асакусы. На дальнем заболоченном восточном берегу таилось неразличимое в темноте поселение Хондзё. Летом эту сцену дополняли прогулочные суда. А сегодня вся река принадлежала одному человеку, и он почти наслаждался одиночеством и жуткой красотой ночи.

До поры: руки его устали, и дыхание сделалось прерывистым. Пропитанная потом одежда перестала служить защитой от ледяного дыхания ветра. Путнику захотелось лечь на дно и отдаться течению — пусть Сумида сама несет его к заливу Эдо и в открытое море. Но отчаянная спешка понуждала

⁴ Таби — традиционные японские носки высотой до лодыжки с раздельным большим пальцем; их носят и мужчины, и женщины с сандалиями-дзори, гэта и другой традиционной обувью с ремешками.

его работать веслом: до рассвета осталось всего несколько часов, а ему нужны тишина и темнота. Если бы только он мог достичь цели по суше, верхом на лошади! Да только все ворота Эдо закрыты с полуночи до утра, и дороги из района в район перекрыты. Единственная возможность попасть в город — река.

Он перевел дух, когда впереди начали проступать очертания знакомых кварталов столицы. Сначала показались поместья князей-даймё, могущественных провинциальных господ, которым принадлежала основная часть земель в верховьях реки, да и вообще большая часть страны. Затем выступили из мрака побеленные стены городских рисовых складов, а за ними потянулись пирсы и причалы, служившие ночным пристанищем множеству суденышек и лодок, — они выступали далеко в реку, теперь кишашую рыбой, грязную, воняющую ежедневно сбрасываемыми в нее нечистотами. А потом наконец над Сумидой, словно замысловатый узор, вырезанный на небе, выгнулся мост Рёгоку.

Обессиленный путник провел лодку под мостом и причалил в пределах видимости с него у одного из пирсов, расположенных ниже по течению. Он отложил весло и, привязывая лодку к сваям, вновь заледенел от страха. Весь великий город Эдо лежал за безликими фасадами складов, и путнику казалось, что миллионы его жителей не спят, а сосредоточенно за ним наблюдают. Подавив панику, путник опустил на колени перед свертком и аккуратно, чтобы не раскачивать лодку, начал снимать жесткую соломенную обертку, поглядывая на небо и на реку. Луна давно зашла, первые розовые лучи рассвета окрасили горизонт на востоке. Уже виднелись дровяные склады на противоположном берегу, в Фукагаве.

Поборов желание резко рвануть последнее татами, путник заставил себя аккуратно развернуть его.

Два тела, соединенные смертью и веревками, которые связывали их запястья и лодыжки, лежали лицом друг к другу, соприкасаясь щеками. На мужчине было короткое кимоно и хлопковые хакама⁵ незнатного человека. Его подстриженные волосы обрамляли грубое лицо с простыми чертами. Опухшие веки и чувственный рот говорили о том, что он был алчен и вел рассеянную жизнь, полную плотских удовольствий. Убить его означало исполнить свой долг. Как легко было заманить его в смертельную ловушку обещанием богатства! Но женщина...

Ее невинное юное лицо, покрытое рисовой пудрой, сияло полупрозрачным белым светом. Высоко на ее чистом лбу, над выбритыми бровями, темнели тонкие нарисованные линии, протянувшиеся над длинными ресницами-полумесяцами закрытых глаз. Губы женщины слегка приоткрылись, обнажив два идеальных зуба: затемненные чернилами, как принято у высокородных дам, они блестели, словно черный жемчуг. Ее длинные черные волосы рассыпались по обвивавшему стройное тело шелковому кимоно, доходя ей почти до пяток. Вздохнув, путник напомнил себе, что ее смерть была такой же необходимой, как и смерть мужчины. Но он не мог без печали смотреть на эту красоту...

Резкий щелкающий звук заставил его вздрогнуть. Кто-то идет по пирсу, направляясь прямо сюда? Вскоре стук повторился: два длинных удара, а затем три коротких. Всего лишь ночной страж: бродит где-то в глубине квартала, стуча деревянными колотушками, чтобы сообщать жителям о времени! Просто звук далеко разносится по воде.

Путник расслабился, достал из-под плаща маленький плоский лакированный футляр и спрятал его в поясе женщины. Затем он подsunул руки под оба тела и с усилием приподнял их. Трупы перевалились через борт лодки и с приглушенным

⁵ Хакама — часть мужского японского костюма, широкие штаны.

всплеском упали в темную реку. Прежде чем они успели утонуть, путник схватил конец веревки, которая связывала их запястья, и обернул ее вокруг сваи, втиснув ее в трещину в осклизлой древесине. А потом в последний раз взглянул на тела, которые теперь плавали прямо под поверхностью воды, окруженные волнистой вуалью волос женщины.

Наконец он снова посмотрел на мост. И удовлетворенно кивнул. Когда их найдут — а это случится очень скоро, — все подумают, что влюбленные вместе прыгнули с моста, но своенравная река не понесла их к морю, а затащила под пирс. Письмо, запечатанное в водонепроницаемом футляре, подтвердит это впечатление. Путник подергал веревку, чтобы убедиться, что сразу она не отцепится. А затем, отвязав лодку, снова заработал веслом. Ему предстояло подняться вверх по течению. Долгий, мучительный путь.

丁
人
人
人
人

Ёрики⁶ Сано Исиро, новый старший командир отряда мати бугё⁷ Эдо, медленно пробирался верхом через мост Нихонбаси. Этим ранним солнечным, ясным зимним утром вокруг него текли толпы людей: носильщики с корзинами овощей, спешащие на рынок и обратно, продавцы воды с ведрами на палках, которые лежали у них на плечах, покупатели и торговцы, низко склонившиеся под весом мешков на своих спинах... Доски, которыми была вымощена улица, гремели под ногами множества людей в обуви на деревянных подошвах, воздух наполняли крики, смех и болтовня. Даже признаки статуса самурая не могли ускорить продвижение Сано сквозь толпу. Его лошадь, гнедая кобыла, возвышала его над качающимися повсюду головами — но и только. А два меча на поясе — один длинный и изогнутый, другой более короткий — могли в лучшем случае заставить прохожих пробормотать: «Тысяча извинений, уважаемый господин».

⁶ Ёрики — высшие сотрудники охраны правопорядка при городской управе (мати бугё), самураи на государственной службе в эпоху Токугава.

⁷ Мати бугё — городская управа (букв. городской наместник), одновременно выполнявшая функции полиции, суда, прокуратуры, противопожарной службы и собеса.

Но Сано наслаждался неторопливым продвижением по улице и свободой. Так он избегал скуки, которая ознаменовала первый месяц его службы в качестве ёрики. Бывший преподаватель и историк, он быстро нашел руководство небольшим отделением столичной охраны порядка гораздо менее приятным, чем обучение маленьких мальчиков и изучение древних текстов. Он скучал по старой работе, и мысль, что ему больше никогда не придется охотиться за истиной, выскивая потерянные или анализируя неясные факты прошлого, отзывалась болью в его сердце и тоской в душе. Тем не менее и вопреки тому, что в незнакомый мир правоохранительных органов его бросили семейные обстоятельства и связи, а не выбор или талант, Сано поклялся, что извлечет максимум выгоды из сложившейся ситуации. Сегодня он решил изучить подконтрольную ему территорию более детально, чем сидя в рабочей комнате и оттискивая свою печать на отчетах подчиненных. Взволнованный, он посмотрел через перила моста на панораму Эдо.

Широкий канал с белоснежными складами был забит баржами и рыбацкими лодками. Дым от бесчисленных угольных жаровен и печей образовывал завесу над низкими черепичными и соломенными крышами, во множестве разбросанными по равнине во всех направлениях. Через эту дымку виднелся замок Эдо, расположенный на холме в конце канала. Там Иэясу⁸, первый из сёгунов Токугава, провозгласил себя правителем страны. Это было семьдесят четыре года назад, через пятнадцать лет после победы Токугавы в битве при Сэкигахаре⁹. Загнутые вверх карнизы многочисленных

⁸ Токугава Иэясу (1543–1616) — основатель династии сёгунов Токугава. Ближайший сподвижник и последователь Оды Нобунаги, завершивший создание централизованного феодального государства в Японии.

⁹ Битва при Сэкигахаре — состоялась 21 октября 1600 г. между двумя группами вассалов покойного Тоётоми Хидэёси, боровшимися за власть. Победа досталась войскам так называемой «восточной коалиции», которую возглавлял Токугава Иэясу. Битва при Сэкигахаре является самым масштабным сражением в истории Японии.

крыш крепости делали ее похожей на пирамиду, сложенную из белых птиц, готовых к полету: подходящий символ мира, который последовал за этой битвой, самого длинного мира, который знала страна за пять веков. За замком лежали западные холмы — мягкая тень, голубишной немногим уступавшая небу. А над ними возвышался далекий снежный конус горы Фудзи. Храмовые колокола слабо звенели, добавляя нежные переливы к обилию более грубых и резких звуков.

Съехав с моста, ёрики спешил и зашагал мимо шумного зловонного рыбного рынка. Он провел свою лошадь по узким извилистым улочкам Нихонбаси, крестьянско-купеческого квартала, носившего название расположенного рядом моста. В одном проезде за открытыми деревянными витринами предлагали купить сакэ, в другом смутные силуэты красильщиков проступали среди пара над чанами с краской. Копыта, гэта и сандалии дзори¹⁰ месили грязь и мусор. Сано свернул за угол.

И вышел на огромное открытое пространство, где прошлой ночью пожар сровнял с землей целых три квартала. Повсюду валялись обугленные и покрытые пеплом остатки, возможно, пятидесяти домов; почерневшие стропила и балки, мокрые от воды, которой заливали огонь; мусор, упавшая с крыш черепица. В воздухе висел горький запах горелого кипариса. Несчастные жители этих мест пробирались сквозь руины в поисках вещей, которые еще можно было спасти.

— Ай-я! — пробормотала какая-то старуха. — Мой дом, все мои вещи, все пропало! О, что я буду делать?..

Другие подхватили ее плач.

Ёрики вздохнул и покачал головой. Тридцать два года назад, за два года до его рождения, Великий огонь уничтожил основную часть города и унес сотни тысяч жизней. И до сей поры «цветы Эдо», как называли пожары, вздымались к небу почти каждую неделю. В выстроенных из дерева кварталах

¹⁰ Сплетенная из соломы традиционная японская обувь.

сильный ветер мог за миг раздуть единственную искру в свирепое пламя. Пожарные наблюдали за городом из своих шатких деревянных башен, поднимавшихся высоко над крышами других домов, и звонили в колокола, как только замечали дым и огонь. Граждане Эдо спали беспокойно, прислушиваясь к тревоге. Большинство пожаров начиналось в результате несчастного случая, вызванного невинной ошибкой, такой как лампа, поставленная слишком близко к бумажной ширме, но нередко были и поджоги.

Ёрики намеревался прояснить события минувшей ночи и выбрать одну из версий, но одного взгляда на руины оказалось достаточно, чтобы понять: не стоит надеяться найти здесь доказательства. Придется полагаться на показания свидетелей. Сано, ведя лошадь в поводу, подошел к человеку, который вытаскивал из-под обломков железный сундук.

— Вы видели начало пожара? — спросил он.

Но ответа так и не услышал. Именно в этот момент позади него раздался топот бегущих ног и крики: «Стой, стой!..» Ёрики обернулся. Мимо него, тяжело, со всхлипами дыша, пронесся худой мужчина в лохмотьях. За ним, размахивая дубинками, мчалась стая хулиганов. Босые ноги оборванца скользнули по грязи, и он растянулся примерно в десяти шагах от ёрики. Преследователи принялись за него, взмахивая дубинками.

— Ты сдохнешь за это, жалкая тварь! — крикнул один.

Рыдания беглеца превратились в крики боли и ужаса. Он вскинул руки, пытаясь защитить голову от ударов.

Ёрики поспешил к месту избиения и схватил руку одного из нападавших.

— Стой, ты убьешь его! Что ты делаешь?

— А ты кто такой?

Услышав рядом чей-то грубый голос, Сано обернулся. В локте от него стоял здоровенный мужчина с маленькими злобными

глазками, в коротком кимоно поверх хлопковых хакама. Его подстриженные волосы и единственный короткий меч, прикрепленный к поясу серого плаща, говорили о том, что это самурай низкого ранга. Потом ёрики заметил в его правой руке прочную стальную палочку с двумя изогнутыми зубцами над рукоятью — дзюттэ¹¹, приспособление для парирования, предназначенное для удерживания лезвия меча атакующего противника. Стандартное вооружение досин¹², низшего из сотрудников городской управы; такие, как он, патрулируют районы города и поддерживают порядок на улицах.

А потом Сано узнал этого человека — одного из сотни его странных подчиненных, одну из длинной череды склоненных голов, мимо которой он прошел во время официальной церемонии представления. Вооруженные хулиганы, переставшие мучить свою жертву исключительно из-за вмешательства самурая, оказались помощниками досин — окаппики. Досин привлекали таких людей к работе частным образом, и они несли ответственность только перед нанимателем, выполняя грязную работу, например поимку преступников, под его руководством. Теперь трое из них угрожающе двинулись на ёрики.

— Кто ты? — снова требовательно спросил досин.

— Я ёрики Сано Исиро, — прозвучал ответ. — А теперь объясни мне, почему твои люди избивают этого человека.

Сано старался, чтобы его голос звучал спокойно и строго, но его сердце забилося чаще. Чтобы призвать к порядку подлых людей, требуется заслужить их уважение.

¹¹ Дзюттэ (яп. «десять рук») — японское холодное оружие, применяемое ниндзя и некоторыми подразделениями мати бутё в период Эдо. В наше время применяется в японском боевом искусстве дзюттэдзюцу. Дзюттэ часто относят к кинжалам, несмотря на то что формально это небольшая металлическая дубинка. Дзюттэ, находившийся на вооружении сотрудника правопорядка, отличался темляком с цветной кистью, по цвету которой можно было судить о ранге носителя.

¹² Досин — самурай низшего ранга.